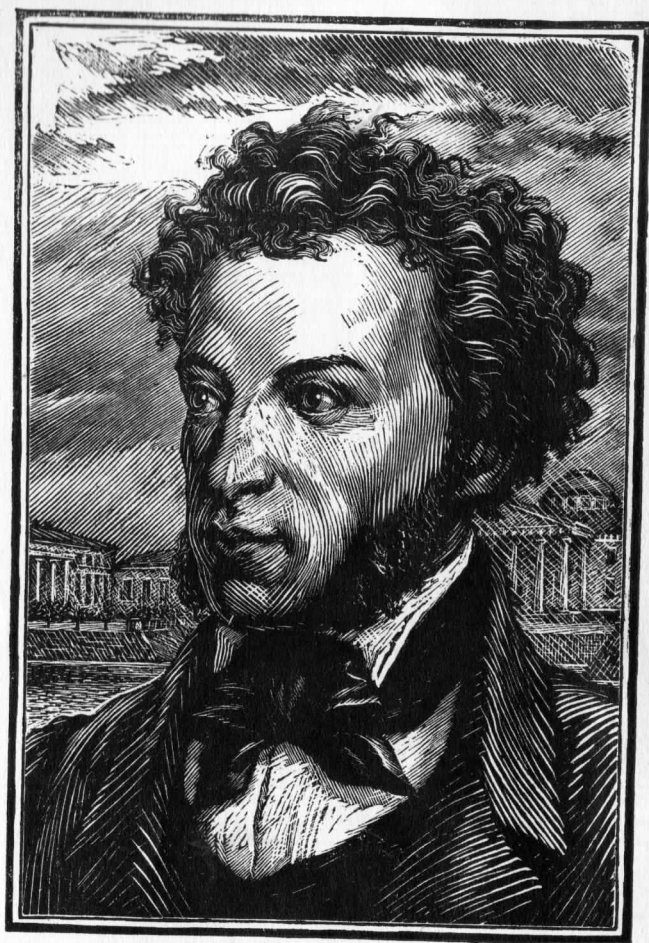

А. С. ПУШКИН
В РУССКОЙ
КРИТИКЕ

А. С. ПУШКИН
Гравюра на дереве
художника Ю. Ростовцева

Л20 $\frac{F3}{324a}$

А.С.ПУШКИН В РУССКОЙ КРИТИКЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

*Вступительная статья
и примечания*

В. ДОРОФЕЕВА и Г. ЧЕРЕМИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1950

А. С. ПУШКИН В РУССКОЙ КРИТИКЕ

1

«Пушкин,— писал Белинский,— принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение...»

Современная Пушкину критика (до появления статей Белинского) оказалась не в состоянии ни по-настоящему понять, ни по достоинству оценить творчество великого русского поэта. Критики в своих разборах становились на путь произвольных оценок, ограничиваясь преимущественно вопросами языка и стиля. Этот чисто субъективный характер их суждений подметил уже сам Пушкин, указавший, что современные ему журналы не идут далее того, что «это хорошо, потому что прекрасно, а это — дурно, потому что это скверно».

Самые ранние произведения Пушкина, в основном еще не вышедшие из привычных литературных рамок, встретили благожелательный прием в журналах. Впоследствии Пушкин, говоря о своей «музе» той поры, вспоминал, что

«...свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил...»

Расцветающее дарование юного Пушкина на первых порах нашло восторженную оценку у виднейших русских писателей самых различных литературных направлений. Его «заметил» престарелый Державин и «благословил», как своего преемника, Карамзин и старшие товарищи Пушкина по «Арзамасу» — Жуковский, Батюшков,

Вяземский и другие восторженно отзывались о нем в своей переписке.

Но с годами, по мере творческого роста Пушкина, отклики на его произведения становились все более сдержанными. В журнале М. Т. Каченовского «Вестник Европы» уже в 1820 году по поводу поэмы «Руслан и Людмила» прозвучал враждебный и раздраженный голос одного из приверженцев «старины», некоего «критика Бутырской слободы». Этот печально известный отзыв любопытен, конечно, не тем, что его автор ратовал за уже отжившую систему классицизма, но тем, что он отметил зарождение в творчестве Пушкина его важнейшей черты — *народности*. Литературному «староверу», пекущемуся об интересах своего класса, нельзя отказать в проницательности: он яростно обрушился как раз на то, что таило в себе наибольшую опасность для дворянской эстетики. «...Если бы,— возмущенно спрашивал критик,— в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бороδοю, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: *здорово, ребята!* — неужели бы стали таким проказником любоваться?»

Восторженные отклики, которыми встретила критика так называемые «южные» поэмы Пушкина, отнюдь не свидетельствовали о подлинном понимании ею творчества великого поэта.

На фоне журналистики 20-х годов исключением являлись отзывы декабристов, требовавших от критики, чтобы она «не корпела над запятыми и имела бы взор более общий», — как писал в «Поллярной звезде» А. А. Бестужев («Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов»). Декабристская критика отличалась прежде всего *идейной целеустремленностью*. Восторженно отзываясь о южных поэмах Пушкина, в частности о «Кавказском пленнике», А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев особенно высоко оценили «Цыган». Бестужев считал, что это произведение Пушкина «далеко оставило за собой все, что он писал прежде». Декабристов привлекало в этой поэме ярко выраженное вольнолюбие, романтический пафос, соединенный с естественностью изображения. «Здесь,— писал Бестужев,— гений его <Пушкина>, откинув всякое подражание, восстал в первородной красоте и простоте величественной. В нем-то сверкают молнийные очерки вольной жизни и глубоких страстей и усталого ума в борьбе с дикою природою. И все это, выраженное на деле, а не в словах, видимое не из витиеватых рассуждений, а из речей безыскусственных. Куда не достигнет отныне Пушкин с этой высокой точки опоры?» Но выше всех прочих произведений критики-декабристы ставили ходившие в списках вольно-

любивые стихотворения Пушкина, используя их как революционные прокламации.

И Бестужев, и Рылеев предпочитали южные поэмы первой главе «Евгения Онегина». Общественная значимость этой главы осталась непонятой ими: они искренно досадовали, что Пушкин тратит свой талант на воспроизведение современной ему «прозы жизни», вместо того чтобы заниматься разработкой «возвышенных тем». Исходя из требований романтической поэтики, Бестужев считал лучшими местами первой главы «Евгения Онегина» такие, «где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества». Бестужев и В. К. Кюхельбекер впоследствии отнеслись отрицательно и к остальным главам «Евгения Онегина». Критикам-декабристам и в литературе было важно в первую очередь *прямое и непосредственное* выражение мятежного протеста. Бестужев и Д. В. Веневитинов (близко стоявший к декабристам) очень высоко оценили «Разговор книгопродавца с поэтом» именно за то, что это произведение, как писал первый из них, «кипит благородными порывами человека, чувствующего себя человеком».

Южные поэмы Пушкина и ряд его стихотворений начала 20-х годов являлись для декабристов и близких к ним критиков знаменем передовой романтической поэзии. В накаленной общественной атмосфере тех лет теоретико-литературные споры сразу же приобретали обостренный политический характер. Всякая пропаганда романтизма воспринималась, как проявление «бунтарства». Поэтому даже такой умеренный по своим политическим взглядам критик, как П. А. Вяземский, выступивший по поводу «Бахчисарайского фонтана» в защиту романтической поэзии, подвергся ожесточенным нападкам реакционеров в лице М. А. Дмитриева, который отстаивал незыблемость классицистических «правил».

Декабристы стремились обратить интерес Пушкина к отечественной истории, к «неисчерпаемому лону старины», изображение которой должно было, по мысли Бестужева, «возбуждать доблести сограждан подвигами предков». Рылеев писал (в январе 1825 года) сосланному в Михайловское Пушкину: «...ты около Пскова: там задуманы последние вспышки русской свободы: настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?»

В это время Пушкин и сам обратился к историческому прошлому России. Но он изобразил это прошлое — в «Борисе Годунове» — не с романтических (как этого требовали критики-декабристы), а с реалистических позиций. Его интересовали уже не отдельные героические личности сами по себе, но в первую очередь *народ* как движущая сила истории.

Во второй половине 20-х годов, после разгрома декабристов, когда господствующее положение в тогдашней критике заняли реакционные элементы, отношение журналов к Пушкину резко меняется.

Первое время журналы еще продолжали печатать хвалебные статьи о творчестве Пушкина, но уже в конце 20-х годов этот перелом ощущается вполне отчетливо. «Первые неприязненные статьи,— писал Пушкин,— помнится, стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни «Евгения Онегина». Это были в 1828 году статья в «Атенее» и в 1829 году статьи в «Санкт-петербургском зрителе» и «Северной звезде». Далее была встречена отрицательными отзывами «Полтава». Активизировался в своих нападках на Пушкина выступавший и ранее против него реакционный «Вестник Европы»; в этом журнале Н. И. Надеждин в 1829 году поместил издательскую рецензию на «Графа Нулина», в которой заявил, что эта поэма — «нуль во всей математической полноте значения этого слова».

Пушкин хорошо понимал, на что он шел, «изменив свою раннюю манеру» творчества. Великий новатор обратился к реализму, не считаясь с литературной «модой» того времени: «Добровольно выхожу я из ряда ее любимцев...» — писал он в 1830 году. Еще в 1825 году в письме к А. А. Бестужеву, говоря о «Борисе Годунове», поэт выражал опасение, что «робкий вкус» читающей публики «не стерпит истинного романтизма» (этим термином поэт обозначал то, что впоследствии стало именоваться реализмом). И он оказался прав: выход в свет «Бориса Годунова» (в 1831 году) был встречен со стороны критиков почти всеобщим непониманием. Критика отмечала лишь отдельные сцены (хвалили, например, монолог Пимена), но идея произведения, как и художественные достоинства трагедии в целом, не были ею раскрыты. Статья Надеждина о «Борисе Годунове» не являлась исключением, так как хотя в ней и говорилось о народности этого произведения, но народность понималась критиком крайне поверхностно. Величайшее произведение русской драматургии было оценено по достоинству лишь немногими тогдашними литераторами.

С конца 20-х годов против Пушкина выступали критики самых различных оттенков, начиная от Н. А. Полевого, афишировавшего свою мнимую оппозиционность к самодержавию, и кончая шпионом III отделения Булгариным. Наиболее яростным нападкам подверглись последние главы «Евгения Онегина». Полевой объявил их «собранием отдельных бессвязных заметок и мыслей». Надеждин назвал пушкинский роман в стихах «картинками». Распоясавшийся

Булгарин в своем разборе седьмой главы «Евгения Онегина» провозгласил... «совершенное падение» Пушкина — «chute complète»!

Исключительным явлением в эту пору упадка и оскудения критической мысли была статья «Несколько слов о Пушкине» молодого Н. В. Гоголя, впервые отметившего подлинную народность и самобытность пушкинского гения и указавшего на его колоссальное общественное значение. В противоположность остальным критикам тех лет, Гоголь, говоря о величайшем художественном совершенстве произведений Пушкина, приветствовал их реализм. Эти важнейшие черты пушкинского творчества, пока еще только угаданные и почувствованные Гоголем как художником, были впоследствии осознаны уже с иных идейных позиций и всесторонне освещены в статьях В. Г. Белинского. Таким образом, наиболее правильную оценку при жизни Пушкин получил из уст своего ближайшего последователя и продолжателя в развитии русского реализма.

Враждебное отношение к Пушкину большинства критиков 30-х годов определялось, разумеется, не столько непониманием, но в первую очередь общественной обстановкой и политической борьбой этого периода, в которой сам Пушкин принимал активнейшее участие. Корни ожесточенной журнальной травли Пушкина — в том, что именно он, отразивший идеалы дворянских революционеров, случайно избежавший репрессий, в новых условиях продолжал воспитание и просвещение лучших людей своего времени для борьбы с самодержавием. Поэтому на нем и сосредоточили «критический» огонь открытые и скрытые реакционеры всех мастей. И Пушкин далеко не случайно именно в 30-е годы обратился к критической и журналистской деятельности, сам став наиболее выдающимся литературным критиком и публицистом своего времени.

Пушкин направлял свое оружие в первую очередь против шпионской булгаринской клики. Противопоставление Поэта — «черни» в стихотворениях Пушкина 30-х годов не может быть понято в полной мере, если не учитывать, что оно относилось не только к позолоченной «черни» великосветских салонов, но и к той мещанской накипи, «идейными» выразителями которой в литературе и журналистике являлись продажные писаки типа Булгарина и Сенковского.

Совершенно естественно, что Пушкин в своей журнальной деятельности, протекавшей в крайне неблагоприятных для него условиях, был вынужден прибегать порой к сложным тактическим приемам. Необходимости последних не понимали (или делали вид, что не понимали) примкнувшие в то время к Пушкину дворянские

либералы: они лицемерно упрекали поэта в отказе от вольнолюбивых идеалов. Такие союзники были ненадежны, и Пушкин стал искать других людей для сотрудничества в «Современнике». Он первый заметил и оценил Белинского, только еще начинавшего свою критическую деятельность. Великий поэт решил привлечь Белинского в свой журнал, но преждевременная смерть помешала осуществлению этого намерения. Однако уже само по себе оно в высокой степени знаменательно. Стремясь сблизиться с Белинским, Пушкин тем самым обращал свой взор к зарождавшейся революционной демократии и прозорливо угадал критический талант того, кто впоследствии первый по-настоящему понял и оценил значение его творчества.

2

Как известно из воспоминаний и писем, Пушкин одобритительно отзывался о критическом таланте молодого В. Г. Белинского. Эти отзывы стали известны Белинскому.

«Я слышал похвалы себе от умных людей и — что еще лестнее — имел счастье приобрести себе ожесточенных врагов, — писал он Н. В. Гоголю в 1842 году. — И все-таки больше всего этого меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников, и я чувствую, что это не мелкое самолюбие с моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человек, как Пушкин, и что такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин» *.

Уже в первых выступлениях Белинского, проникнутых, как писал Пушкин в «Современнике», «независимостью мнений» и обличающих «талант, подающий большую надежду», великий поэт увидел начало той глубоко принципиальной критики, отсутствие которой он остро ощущал в 20-е и особенно в 30-е годы.

Еще в 1825 году поэт писал А. Бестужеву, оспаривая его ошибочное мнение, будто «у нас есть критика, а нет литературы»: «...Именно критики у нас и недостает. Отселе... Княжнин безмятежно пользуется своею славою, Богданович причислен к лику великих поэтов, Дмитриев также...»

В то же время, указывая Пушкин, «мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который в басне столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж.-Б. Руссо».

* В. Г. Белинский, Письма, т. II, стр. 309—310.

Неотложную задачу критики своего времени поэт видел в опровержении устаревших представлений о писателях прошлого, ее прямое назначение — в глубоко идейной оценке явлений текущей литературы.

Белинский начал в критике с того, к чему подходил, что ощущал как насущную потребность развития отечественной литературы сам Пушкин.

Многие высказывания молодого Белинского о писателях прошлого, о народности, об общественном назначении литературы и критики прямо перекликаются с критическими суждениями Пушкина, хотя последние в значительной части остались неизвестными Белинскому, так как не были опубликованы в то время. Но при всем сходстве позиций Пушкина и Белинского в идейной борьбе 30-х годов, при всем единстве их мнений по целому ряду существенных вопросов социальной действительности и литературных проблем того времени великий поэт в последний период своей деятельности и молодой критик в начале своего поприща олицетворяли собою уже два разных поколения, действовавших в русской революции.

Пушкин в своем творчестве гениально отразил эпоху дворянской революционности и своими идейными исканиями прокладывал дорогу новому поколению. Он как бы воплощал в себе переход от одной эпохи русской жизни к другой.

Белинский был «предшественником полного вытеснения дворян различными в нашем освободительном движении» *. С него началась трудная, самоотверженная историческая работа нового поколения, сменившего дворянских революционеров, — поколения революционных демократов.

Утвержденный мнением всей передовой читающей России в звании первого русского национального поэта, Пушкин, как говорилось выше, до конца не был понят даже передовой критикой своего времени.

Понять Пушкина суждено было уже другому поколению, олицетворяющему новый, более высокий этап в развитии освободительной мысли России и избавленному от исторически неизбежной ограниченности дворянских революционеров.

Естественно, что последовательный и стойкий боец против самодержавия и крепостничества в новую эпоху — «самая революционная натура николаевского времени», — Белинский оказался и самым чутким, самым проникательным и глубоким ценителем и критиком Пушкина.

* В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 223.

Со времени ранней юности и до конца дней Белинский неустанно обращался к творчеству Пушкина. Он справедливо считал себя «вскормленным и взлелеянным» звуками пушкинской музыки. «Мы детьми встретили новый и самый цветущий период нашей литературы,— писал он,— и юношами проводили его до могилы»*. Свое нравственное пробуждение критик прямо связывал с влиянием поэзии Пушкина, «светлой, ясной, прозрачной, *определенной*, возвышенно свободной, без напряженности, полной содержания и потому вызывающей из души читателя все чувства, даже такие, которых возможности он и не подозревал в себе, заставляющей *вглядываться и вдумываться* в природу, в жизнь...»**

Духовное развитие Белинского, его становление как критика в значительной мере совершалось «в лоне пушкинской поэзии». Поэзия Пушкина помогла Белинскому воспитать строгий вкус, проникнуть в сущность и назначение подлинно народного искусства. «Пушкин и Гоголь,— писал Белинский,— дали нам такие критерии для суждения об изящном, с которыми трудно от чего-нибудь *разахаться*»***.

Белинский был первым, кто материалистически осмыслил и развил эти «критериумы», превратив их в могучее средство утверждения боевого реалистического искусства, ведущего борьбу за освобождение народа от самодержавно-крепостнического гнета.

Высоконравственное служение Пушкина делу родной литературы, его безукоризненно честное отношение к художественному слову, к званию литератора Белинский неоднократно ставил в пример писателям-современникам.

Белинский любил Пушкина со всею страстью человека, кровно связанного со своей страной. Пушкин олицетворял для него нравственную мощь русского национального характера, «ясный положительный русский ум, силу и глубину чувства»****.

Когда в 1838 году в «Северной пчеле» появилась статья Булгарина, в которой тот глумился над памятью Пушкина, над титулом *великий национальный поэт*, Белинский ответил Булгарину: «Это наше мнение, которое мы имеем полное право выговаривать и еще тем смелее, что оно утверждено целым народом. Еще раз просим извинения у г. Булгарина,— с гневным сарказмом писал Белинский,— в нашей слабости любить и дорожить дарова-

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 144.

** Его же, Собр. соч., 1948, т. 2, стр. 138.

*** Там же, стр. 171.

**** Там же, т. 3, стр. 41.

ниями, делающими честь *нашему* отечеству. Пушкин великий поэт, и поэт русский, русский и по душе, и по крови»*.

По отношению к поэзии Пушкина, по глубине понимания его творчества Белинский судил об искренности и силе патриотического чувства своих современников. Когда либерал П. В. Анненков, этот «турист-эстетик», собирався в октябре 1840 г. за границу, Белинский спросил его, какие книги он берет с собой.

— Странно вывозить книги из России в Германию,— отвечал Анненков.

— А Пушкина?

— Не беру и Пушкина.

— Лично для себя я не понимаю возможности жить, да еще и в чужих краях, без Пушкина,— резко отвечал Белинский.

Критик относил Пушкина «к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее...» (стр. 85 наст. изд.). Он видел в Пушкине одного из великих деятелей родной страны «на пути ее сознания, развития, прогресса» и яростно обрушивался на прямых врагов и мнимых «друзей» и «ценителей» поэта, пытавшихся принизить значение его поэзии.

Когда «западник» В. П. Боткин в одном из писем заговорил об «узости мирозерцания» Пушкина по сравнению с Гете и Шиллером, об «отсутствии» в его произведениях «нравственных идей», Белинский ответил либералу-низкопоклоннику: «У Пушкина то и другое бесконечно, только труднее в то и другое проникнуть, чем у немцев». «Мирозерцание Пушкина трепещет в каждом стихе..., а обилие нравственных идей у него бесконечно, да не всякому все это дается и труднее открывается, потому что в мир пушкинской поэзии нельзя входить с готовыми идеями»**.

Не менее страстно разоблачал Белинский и идеологов славянофильства, неоднократно пытавшихся умалить значение Пушкина как носителя подлинно национальной и патриотической традиции в русской литературе.

Когда И. Киреевский в статье «Обозрение современного состояния литературы» (1845) попытался присвоить лагерю славянофилов исторические заслуги Пушкина, Белинский зло высмеял претензии славянофильских пигмеев. «Мы думали,— писал он,— что наша литература еще со времени появления Пушкина обнару- жила живое и небесплодное стремление из подражательной стать

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 376.

** Его же, Письма, т. II, стр. 67, 80.

национальную; мы думали, что в этом отношении заслуги Пушкина безмерны... Мы обманывались,— уничтожающе пронизывал Белинский,— до «Москвитянина», преобразованного в нынешнем году, не было русской литературы: она начинается с него, с января месяца 1845 года!» *

Еще в «Литературных мечтаниях» Белинский безоговорочно подчеркивал общекультурное значение Пушкина. «Пушкин не говорил, что поэзия есть то или то, а наука есть это или это; нет: он своими созданиями дал мерилу для первой и до некоторой степени показал *современное* значение другой» **. По мере отхода Белинского от идеализма, по мере преодоления им идеалистической эстетики, пушкинское творчество находило в его критике все более глубокое и правильное истолкование.

Одним из факторов, способствовавших разрыву Белинского с идеализмом, может быть законно названа «земная», глубоко реалистическая поэзия Пушкина. Недаром сообщение о своем решительном освобождении от «примирения с действительностью» Белинский заключал стихами Пушкина: «Да здравствует разум! Да скроется тьма!» Недаром до конца дней он настоятельно подчеркивал освобождающее от всяческого идеализма благотворное влияние поэзии Пушкина на юношество: «Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального,— писал Белинский в пятой пушкинской статье,— она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля. Поэтому поэзия Пушкина не опасна юношеству, как поэтическая ложь, разгорающаяся воображение...» (стр. 171 наст. изд.).

Важность и принципиальное значение такой характеристики могут быть правильно поняты, если иметь в виду, что Белинский-материалист видел настоящую задачу науки своего времени в том, чтобы навсегда освободить человеческое сознание «от призраков трансцендентализма и *théologie*, показать границы ума, в которых его деятельность плодотворна, оторвать его навсегда от всего фантастического и мистического» ***. Эта близость и даже прямая связь высказываний критика, казалось бы, по самым различным поводам, далеко не случайна. Она вытекает из материалистической сущности его эстетики, утверждавшей единство искусства и науки

как средств познания окружающей действительности. «Истина так же есть предмет и цель искусства, как и философии,— писал Белинский,— вся разница в средствах и приемах. Иначе чем бы искусство было выше игры в карты?» * В поэзии Пушкина он находил то «сочетание простоты с истиною», которое «составляет высшую красоту и чувства, и дела, и выражения» **.

По признанию Белинского, Пушкин был гений такой всеобъемлющей силы и глубины, что, начав говорить о нем, «сказать всего не успеешь и в целую жизнь». Но за свою короткую жизнь Белинский успел сказать о Пушкине так много, исследовал творчество Пушкина с такой обстоятельностью, так разносторонне и глубоко, что на десятилетия вперед определил направление передовой русской критической мысли; он, как никто, способствовал формированию «мнения народного» о Пушкине и положил основание пушкиноведению как науке.

Белинский видел в Пушкине завершение многовековых стремлений русской литературы и начало нового ее периода, когда русская литература «развилась до полной художественности и сделалась выражением жизни своего общества, стала русской» ***.

«Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского неевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русскою жизнью и русскою современностью, обогатил идеями...» (стр. 80 наст. изд.).

Больше того, начиная от Пушкина с русской литературой «незаметно слились многие вопросы о жизни».

Устремленный в будущее, неутомимо и самоотверженно работавший над тем, чтобы приблизить время, когда освобожденная от гнета Россия станет во главе передового человечества, Белинский находил в Пушкине реальное пророчество этого прекрасного будущего. «Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и так национально, так русски проявившейся»,— писал он (стр. 80 наст. изд.). «Если сила и мощь отдельно действующих лиц в нашей литературе поражают вас невольным удивлением, то чем же должна быть наша литература, когда она сделается выражением национального духа и национальной жизни?—восклидал Белинский.—И мы уже видим начало этого желанного времени... Да будет!...» ****

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 185.

** Его же, Собр. соч., 1948, т. I, стр. 52.

*** Его же, Письма, т. III, стр. 175.

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. X, стр. 476.

** Его же, Собр. соч., 1948, т. 3, стр. 556.

*** Там же, т. 2, стр. 116.

**** Его же, Собр. соч., 1948, т. I, стр. 736.

Вопрос о Пушкине не был и не мог быть для Белинского ни академическим, ни узко литературным вопросом. Белинский с полной убежденностью и последовательностью революционера-демократа утверждал основания новой, подлинно народной литературы, начало которой положено было Пушкиным.

Белинский не раз подчеркивал переходный характер своего времени. «Элементы нашей эпохи,— писал он,— так многосложны и спутаны, вопросы так глубоко жизненны, что много надо пережить, перечувствовать и перемыслить, чтобы решить их».

Одним из таких глубоко жизненных вопросов был в те годы вопрос о Пушкине. «Уже несколько поколений произнесли суд свой над Пушкиным, а потомство для Пушкина все еще не настало... Еще не решился вопрос о Пушкине, и уже сколько новых вопросов возникло, и возникло не из книг, как они возникали прежде, а из живых явлений»*. «Новые вопросы», возникающие в новую эпоху, не отменяли, а лишь углубляли первостепенное политическое значение вопроса о Пушкине.

В глазах новых поколений,— мы это хорошо знаем теперь по высказываниям и воспоминаниям Герцена, Белинского, Тургенева, Гончарова и многих других,— Пушкин продолжал оставаться великим олицетворением героической, полной свободолюбивых надежд эпохи, начавшейся «народным возбуждением» 1812 года и закончившейся первым революционным выступлением против царизма. Для полной сил и талантов демократически настроенной части русского общества Пушкин являлся символом творческой мощи русского национального гения, прорывающего своей протестующей силой препоны и преграды царизма и крепостничества.

Встревоженное восстанием декабристов, обеспокоенное популярностью Пушкина, ростом и влиянием передовой литературы, становящейся, по выражению Герцена, «третьей силой» в государстве, самодержавие сделало все, чтобы ослабить рост этой силы. В литературу хлынула целая орава продажных писак-проходимцев, подобных Булгарину и Сенковскому, отступников и ренегатов, подобных Полевому, под видом всякого рода «критики» травивших Пушкина при жизни и еще более обнаглевших после смерти поэта.

Журнальная чернь, как называл ее Белинский, пыталась всячески ослабить влияние Пушкина на литературу и передовые круги русского общества.

В противовес подлинно патриотической народной литературе, идущей от Пушкина и связанной с освободительным движением,

самодержавие, светские круги и продажная журналистика культивировали свою «литературу», всячески поощряя псевдонародную и урапатриотическую стряпню Кукольников, Загоскиных, поэзию Бенедиктовых, Тимофеевых и т. д. «Такие цветы,— писал Герцен,— могли распускаться только у подножия императорского трона и под сению Петропавловской крепости»*.

Оскорбляя память Пушкина, преследуя передовых русских писателей, «благонамеренная» журналистика покровительствовала всему, что отличалось бездарностью и посредственностью.

В «Библиотеке для чтения» Сенковского появлялись статьи за статьями, в которых этот «критик» отыскивал, по верной характеристике Белинского, «эгоизм в самопожертвовании, заблуждение в истине, глупость и тщеславие в добродетели. Великие люди у него явились и завистниками, и интриганам, и пролазами, и эгоистами, и невеждами, и негодаями; он искусно умел оттенить их этими качествами так, что из-за этих качеств не видно стало великих людей»**. Во всем этом была определенная цель. Ее точно формулировал Белинский: «запугать новое поколение». Объективно в этом общем грязном потоке рядом с «критикой» Сенковских и Булгаринных оказывалась и «ученая» критика Шевыревых и Киреевских. Н. Полевой продолжал как в 30-е, так и в 40-е годы поносить Пушкина за якобы измену убеждениям юности. Против этой «литературы» и «критики», против фарисейского патриотизма, псевдонародности, против посредственности, бездарности, возводимых в гении, и выступил Белинский, исполненный горячей любви к «плодовитому зерну русской жизни».

«В гении,— писал он,— не столько поражает находчивость нового, сколько смелость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть». Сам Белинский как раз и был тем мужественным гением, который возглавил борьбу нового со старым, борьбу против всяческой «журнальной черни» и «литературной тли», борьбу с «партией старческой литературы», «мешающей правильному литературному развитию», борьбу за то передовое, что так ярко проявилось в гении Пушкина и получило дальнейшее развитие в творчестве Гоголя, Лермонтова и др.

В эти годы из всех вопросов, связанных с наследством Пушкина, остро политический характер приобрела проблема: будет ли русская литература развиваться по пути, намеченному Пушкиным.

* А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. VI, стр. 370.

** В. Г. Белинский, Собр. соч., 1948, т. 2, стр. 409—410.

* В. Г. Белинский, Собр. соч., 1948, т. 2, стр. 401.

И откровенно реакционная, и славянофильская, а затем и либеральная критика прямо или прикровенно, но с полным единодушием пророчили исчезновение подлинно пушкинской традиции.

В этом отношении чрезвычайно показательна статья Ф. Булгарина 1833 года «Письма о русской литературе», содержащая утверждение: есть и будет множество подражателей Пушкина, но не будет *следствия* Пушкина.

Выступая в защиту Пушкина, Белинский не мог пройти мимо подобных «пророчеств» реакционной критики. Больше того, именно на их разоблачении он и сосредоточил главное внимание в первое десятилетие своей критической деятельности, отстаивая бессмертие исторического дела Пушкина и всячески способствуя влиянию его творений на передовую русскую мысль, на литературу, на прогрессивные круги русского общества.

«Пушкин не мог же быть явлением случайным,— утверждал Белинский,— а Пушкина мы... смело можем противопоставить любому поэту всех народов и всех веков»*.

Создания Пушкина, писал он в одной из рецензий, отвечая Полевым и Булгариным, «относятся ко всем временам и всем эпохам, и с течением времени не проигрывают, а выигрывают»**.

Пламенные, из статьи в статью, из месяца в месяц,— и так на протяжении целого десятилетия,— высказывания Белинского о Пушкине, обличавшие светскую и журнальную чернь, которая пыталась «бросать грязью в страдальческую тень поэта», сыграли исключительную роль. Надо отчетливо представить себе, какое это было время, чтобы понять историческую важность выступлений Белинского в защиту Пушкина. То были годы, когда, по словам Белинского, «равный успех» имели и «песенники» г. Гурьянова и стихотворения Пушкина***, когда Бенедиктов почитался многими выше Лермонтова, Марлинский — выше Гоголя, романы Фаддея Булгарина — выше повестей Пушкина, когда «могли сомневаться в Пушкине, находить в нем недостатки, даже оспаривать его самостоятельность и великое значение», но когда «насчет Марлинского такой скептицизм казался невозможным»****. Все это — не преувеличение. В то «переходное» время литература, по образному выражению Белинского, «напоминала собою деревянный дом Крылова, в который

Хозяева еще не вобрались,
А уж сверчки и мыши развелись...

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 320—321.

** Там же, т. XIII, стр. 40.

*** Его же, Собр. соч., 1948, т. 1, стр. 226.

**** Его же, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 150.

...Но явились новые деятели — в дом, оставленный на произвол мышей, вступили настоящие хозяева»*, — и положение резко изменилось.

Борьба за Пушкина явилась для Белинского важнейшим звеном в его общей борьбе за реалистическое направление русской литературы, приданное ей гением Пушкина, но уже связанное с новым, более высоким этапом русского освободительного движения.

В 40-е годы борьба Белинского за Пушкина не только не ослабла, а, наоборот, усилилась.

С обострением социально-политических противоречий к откровенным врагам пушкинского гения, ко всем этим Булгариным, Сенковским и Бурачкам присоединились негласные его враги, вчерашние «друзья» поэта, давние почитатели его «сладких звуков» — славянофилы и либералы.

Славянофилы, возглавившие «партию старческой литературы», умудрялись сочетать проповедь обскурантизма и мистики с будто бы искренней любовью к Пушкину, якобы искреннее уважение к его таланту с неменьшим уважением к таким «национальным» поэтам, как юродствующие во славянофильстве Хомяков, Языков и др.

«Цивилизованные плантаторы», «пустоголовые европейцы» — либералы пытались представить Пушкина жрецом «чистой красоты».

Представители той и другой «партии» не скупилась, по выражению Белинского, на «высокопарное пустословие». Объявив себя сторонниками «изящной» пушкинской музыки, они замалчивали *гуманное*, то есть антикрепостническое содержание поэзии Пушкина и ее объективно революционную направленность, умаляли значение Пушкина как великого русского национального поэта и не стеснялись в выборе средств в борьбе с развитием подлинно пушкинской традиции в новую эпоху — с передовой литературой, развивающейся под благотворным влиянием революционно-демократических идей.

Естественно, что, продолжая бороться с откровенно реакционной идеологией, с литературным предпринимательством, с порчей вкуса, с растлевающим влиянием «торгашества и бездарности», Белинский начал в это время разоблачение замаскировавшихся и потому более опасных политических врагов — славянофилов и либералов.

Белинский прекрасно понимал, что за их «литературными мнениями» скрываются «житейские понятия и убеждения», обусловленные «принципом класса».

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 152—153.

В различии и борьбе литературных мнений своего времени Белинский пронизательно улавливал проявления «различно действующих, мыслящих и убежденных поколений» *.

Знаменитый цикл пушкинских статей, завершавший собою целый ряд чрезвычайно существенных высказываний критика о Пушкине с начала 40-х годов, как раз и отражает этот новый этап борьбы Белинского.

Цикл его статей о Пушкине по праву считается классическим образцом русской боевой демократической критики. Он возник как итог многолетнего изучения Белинским творчества «первого русского национального поэта», как завершение всестороннего исследования истории русской литературы и осмысления особенностей ее развития. Вместе с тем цикл насыщен «живой» общественно-политической современностью, содержит последовательное разоблачение основ дворянско-буржуазного строя с позиций революционного демократа и социалиста и потому является одним из важнейших фактов в идейной борьбе 40-х годов.

Исполненный самого страстного революционного протеста против всяческого рабства и угнетения, Белинский обращается теперь к исследованию самых важных, самых существенных сторон русской действительности, глубоко проникает в живую и плодотворную связь великих явлений русской литературы с русским освободительным движением, все решительнее становится в суждениях о литературе на почву истории, но не той, которая уводит в прошлое, а той, которая учит понимать современность и участвовать в приуготовлении будущего.

«...Для меня,— писал он в начале 1841 года,— действительная и историческая жизнь не существуют только в прошедшем — я хочу их видеть в настоящем...» **

В осмыслении Пушкина Белинский буквально шел по целине. Ни один важный вопрос, ни одна существенная проблема, которые он выдвинул и гениально разрешил, ни в русской, ни в мировой критике до Белинского так глубоко не были ни поставлены, ни разрешены. Статьи о Пушкине составили эпоху в истории отечественной литературы, «были замечены публикою», как скромно признавался сам Белинский ***. В течение многих десятилетий они питали перловую русскую критику и не потеряли своего научно-познавательного значения до наших дней.

* В. Г. Белинский, Собр. соч., 1948, т. 3, стр. 37.

** Его же, Письма, т. II, стр. 203.

*** Его же, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 221.

Отмечая цельность цикла, о нем должно говорить как о явлении развивающемся. Статьи писались в течение трех лет (1843—1846). Необыкновенно интенсивное идейное развитие Белинского в эти годы не могло не отразиться на проблематике и политической направленности его высказываний. Рассматривая одну за другой «пушкинские» статьи, мы ясно видим, как в анализе содержания и формы пушкинской поэзии Белинский все более укрепляется на позициях материалистической эстетики, как критика устаревших «литературных» мнений переходит у него в беспощадное разоблачение враждебных народу идейно-политических течений того времени — славянофильства и либерализма.

Это в свое время отмечал Н. Г. Чернышевский, относивший статьи о Пушкине к «соединительным звеньям» между периодом, когда «отвлеченный элемент» в статьях Белинского был «еще довольно силен», и периодом, когда он исчезает окончательно, когда «система положительных воззрений становится совершенно последовательною». «Невозможно не заметить,— писал Чернышевский,— что взгляд Белинского постепенно становится все шире и глубже, а содержание статей все решительнее проникается интересами национальной жизни» *. В первых статьях значение Пушкина объяснялось «преимущественно с художественной точки зрения», в последующих подчеркивалось «значение его деятельности для нашего общества, в котором его поэзией пробуждалась гуманность» **.

И действительно, в начале 40-х годов в критике Белинского заметны еще следы как бы двух аспектов в рассмотрении явлений литературы: «художественного» и «исторического».

Но Белинский уже резко ограничивает сферу действий «эстетической критики», оставляя за ней всего лишь право отличать истинные произведения искусства от того, что не является искусством. Больше того, в ходе конкретного анализа, в границах и этого «первого акта» критики Белинский неизменно становится на точку зрения критики «исторической». Таков, например, его анализ ранней лирики Пушкина.

Внимание Белинского в анализе лирики обращено к проявлению даже в самых тонких движениях души поэта «типического», общественно значимого содержания. Вместе с тем критик настолько проницателен, так чуток к художественной стороне произведения, что уже в первых ученических опытах Пушкина вскрывает то, что

* Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М. 1947, т. III,

стр. 274—275.

** Там же, стр. 275.

с необходимостью обещает появление совершенных, глубоко национальных художественных созданий. Статьи, посвященные лирике Пушкина, интересны для нас не рассуждениями об «идее прекрасного», а конкретным анализом пушкинской лирической поэзии, сделанным с глубоким проникновением как в содержание переживаний и стремлений передового русского человека определенной исторической эпохи, так и в своеобразие «классической», национально-самобытной пушкинской формы.

Устанавливая в первых статьях отличительное свойство пушкинской поэзии, Белинский подчеркивает ее «лелеющую душу *гуманность*». Казалось бы, он еще близок здесь к таким людям, как либералы Боткин и Анненков, неоднократно распинавшимся и в письмах и в статьях о «гуманности» пушкинской поэзии.

На самом деле утверждение Белинского прямо противоположно эстетским суждениям либералов. В *гуманности* критик видел важнейшее завоевание передовой литературы своего времени, проявившееся, например, в осознанно антикрепостнических и революционных произведениях Герцена. Этим словом он определил и отличительное качество поэзии Пушкина. В статьях Белинского понятие «гуманность» наполнено остро социальным содержанием. Что же касается Боткина, Анненкова и др., то в их толковании «гуманность» — не более как эстетская фраза о якобы внесоциальном, вне-национальном, абстрактно «человеческом» содержании поэзии Пушкина.

Преодолев влияние идеалистической эстетики, Белинский не отказался от анализа «художественности», а придал ему «историческое», социально-общественное направление. Тогда-то и стали открываться ему отличительные особенности пушкинской поэзии — ее «натуральность», о чем он так твердо заявил в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», и ее «социальность», то есть антикрепостнический и объективно революционный смысл.

Поэзия Пушкина, подчеркивал Белинский, проникнута «бескомпромиссным уважением к достоинству человека как человека», и передовой читатель того времени хорошо понимал освободительную направленность таких утверждений.

Каждому, кто сколько-нибудь сочувствовал бедственному положению народа, становилось ясно из критики Белинского, посвященной Пушкину, что светлый мир пушкинской поэзии и мрак крепостничества несовместимы, что только «турок в душе», «цивилизованный плантатор» способен «восторгаться» пленительными звуками пушкинских песен и одновременно «воскурять фимиам» самодержавию.

Когда Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» попытался примирить непримиримое, Белинский справедливо обвинил его в «чудовищном» противоречии «поставить по свече» Пушкину и самодержавию, просвещению и православной церкви. «Что кажется естественным в глупцах, — писал Белинский, — то не может казаться таким в гениальном человеке»*.

Любить Пушкина значило, в глазах Белинского, любить родину, русский народ, неутомимо работать над его освобождением от крепостничества, от темноты и невежества, а следовательно — ненавидеть самодержавие, крепостничество, ненавидеть все, что мешает делу освобождения народа.

Основной вопрос, в свете которого Белинский рассматривает творчество Пушкина в своих статьях, — это материалистически разрешаемый критиком вопрос соотношения искусства «с жизнью», которая всегда выше *искусства*, потому что искусство есть только одно из бесчисленных проявлений жизни» (стр. 132 наст. изд.).

Какой бы стороны творчества Пушкина ни касался Белинский в ходе анализа, — будь то самобытность и народность гения Пушкина, национальная и всемирно-историческая значимость его поэтического подвига, социально-историческая обусловленность его творчества, противоречие между «объективной верностью» изображения и социально-обусловленными, классово-ограниченными «убеждениями автора», — в разрешении каждой из этих проблем Белинский верен духу материалистической эстетики, последовательно отстаивает примат жизни, действительности над искусством, полемическое острие его суждений всегда обращено против «художественной» критики, против теории «чистого» искусства, исповедовавшихся в те годы в России «праздными ленивцами».

«Наш век враждебен чистому искусству, и чистое искусство невозможно в нем...»** — писал Белинский в пору создания «пушкинских» статей. Развернув в пушкинском цикле уничтожающую критику «чистого искусства», Белинский первый разоблачил лживую легенду о Пушкине, как о ревнителе «чистой красоты». В противовес реакционной и либеральной критике, клеветавшей на Пушкина и пытавшейся в целях насаждения «чистого искусства» использовать его стихи «Поэт и толпа», «Поэту» и др., Белинский вскрыл гневно-сатирическую направленность этих произведений, причислив их к роду поэзии «наиболее социальному и гражданскому» и поставив

* В. Г. Белинский, Собр. соч., 1948, т. 3, стр. 711.

** Там же, т. 2, стр. 814.

в ряд с «сатирою Ювенала, ямбами Барбье... пьесами Лермонтова «Печально я гляжу на наше поколенье» и «Поэт» *.

Не случайно, что именно Белинский первый объяснил, кого клеймил Пушкин словом «чернь», и тем в известной мере предвосхитил последующие исследования Плеханова. «В старину чернь называлась у нас «подлым народом», — писал Белинский в 1847 году. — Благодаря образованности и просвещению это подлое название давно уже истребилось, а слово чернь удержалось. Но чернь есть везде, во всех слоях общества; Пушкин указал нам даже на светскую чернь» **.

Поэзия Пушкина, исполненная передовых национальных стремлений, «насквозь проникнутая содержанием, как граненый хрусталь лучом солнечным», и ни с чем не сравнимая по художественности, являлась для Белинского могучим средством в борьбе с пропагандой «чистого искусства», с сословно-дворянским дилетантизмом, низводящим литературу на роль «забавы для праздных ленивцев», с «торгашеским духом», пошлостью и бездарностью, насаждаемыми царизмом и светской «чернью» под видом «народной» и «национальной» литературы.

Пушкин в совершенстве владел «инстинктом истины», «таким действительности», отмечал Белинский.

«Поэзия Пушкина, — писал он, — удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу, или русские характеры». Наряду с этим Белинский подчеркивал, особенно в последний период, что «Пушкин был по преимуществу поэт, художник и больше ничем не мог быть по своей натуре. Он дал нам поэзию, как искусство, как художество».

«Все, что прежние поэты имели каждый порознь, все это Пушкин имел один, имея еще много и своего, чего ни один из них не имел; всем, что обладало прежними поэтами, — всем этим спокойно владел Пушкин. Вот почему мы от него ведем русскую поэзию и называем его первым русским поэтом. Это совсем не значит, чтоб до него не было поэтов, и притом еще достойных внимания, уважения, любви, известности и славы; но значит только, что в них выразились постепенные усилия русской поэзии, начиная от Кантемира и Ломоносова — из искусственной и подражательной сделаться естественною и самою, стремление из книжной сделаться живою, общественною, сблизиться с жизнью и обществом; а в Пушкине выразились торжество и победа этих усилий и стремлений.

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 12.

** Там же, т. X, стр. 479—480.

Пушкин — художник в полном значении этого слова: это его преобладающее значение, его высочайшее достоинство и, может быть, его недостаток» *, — писал Белинский в 1842 году.

Нетрудно заметить, что в подобных утверждениях — а их немало встречается и в «пушкинских», особенно в первых, статьях, — Белинский в форме мысли, в способе выражения зависит порой еще от идеалистической эстетики.

Идеалистическая эстетика формально не отказывается от анализа связей явлений литературы с историей, но понимает эти связи извращенно. Она замалчивает реальную связь литературы с реальной общественно-исторической действительностью и выдвигает, как главное, условную связь между явлениями внутрилитературного ряда, связь по «художественности», «пафосу», «морали» и т. д.

В противоречивом историко-литературном процессе идеалистическая эстетика фиксирует лишь отвлеченно-формальные различия или сходства, противоположности или соответствия. С точки зрения таких формально-логических построений явления одного, раннего этапа художественного развития представляются «пересадочными», «подражательными», переход к другому, более высшему этапу воспринимается как постижение «истинной художественности», как проникновение в «абсолютное» единство содержания и художественной формы и т. д.

Следы таких представлений нетрудно обнаружить и в «пушкинских» статьях, особенно тех, где Белинский характеризует писателей предшествовавших периодов русской литературы, где он дает определение «пафоса» пушкинской поэзии, где он называет Пушкина «художником по преимуществу».

Но как бы ни были отвлеченны по форме многие утверждения Белинского, они всегда таили реальное конкретно-историческое содержание и потому получали в его критике боевое назначение.

Подчеркивая «подражательный», «пересадочный» характер литературы до Пушкина, Белинский, в сущности, развертывал критику дворянской, сословно-ограниченной, оторванной от народа литературы. И не только литературы, но и «живых» мнений, поддерживающих «незыблемость» дворянского «принципа».

Провозглашая Пушкина первым поэтом-художником на Руси, Белинский тем самым подчеркивал историческую важность преобразований, совершенных им в литературе.

«Слово *художественный* — великое слово» **, — писал Белинский. Оно знаменует такую ступень развития, когда литература стано-

* В. Г. Белинский, Собр. соч., 1948, т. 2, стр. 372.

** Его же, Письма, т. II, стр. 108.

вится «национальным делом», овладевает содержанием национальной жизни, проникается передовыми национальными интересами и приобретает форму и направление, свойственные народному художественному гению.

Искусство любого народа не безлико. Оно всегда национально определено. Лишь искусство сословной касты, паразитического меньшинства, враждебного народу и чуждого национальным традициям, бесцветно, лишено национального колорита, космополитично. Но потому-то оно и не имеет ничего общего с подлинной художественностью и является профанацией искусства. «Хотя художественная русская литература развивалась не из народной поэзии,— писал Белинский,— однако первая при Пушкине встретила с последнею»*. Пушкин придал художественной русской литературе народный характер, он утвердил в ней реалистическое направление. Его стих — «это вековечный образец, неумирающий тип русского стиха»**. Все это в совокупности и означало, по мысли Белинского, то, что Пушкин является первым поэтом-художником на Руси.

Когда же критик видел в Пушкине только «художника по преимуществу», характеристика приобретала иной смысл. Белинский никогда не умалял содержательности творчества Пушкина. Глубоко жизненное, «истинно-русское» содержание, заключенное в каждом пушкинском произведении, он справедливо считал первым условием народности Пушкина, его значения как великого национального поэта. Но руководствуясь в оценке явлений литературы критерием единства общественно-значимого содержания и совершенной художественной формы, Белинский справедливо указывал на социально-исторические границы содержания пушкинской поэзии.

Пушкин «...созерцал природу и действительность под особенным углом зрения,— писал Белинский,— и этот угол был исключительно поэтический» (стр. 153 наст. изд.). В последующих статьях Белинский ставит этот «особенный угол зрения» уже в прямую связь с «умеренностью» его политических убеждений, уважением к «принципу класса».

Таким образом, столь отвлеченный по форме тезис — «художник по преимуществу» — имел в высказываниях Белинского реально-историческое содержание. Великий демократ устанавливал отличие одного, хотя и великого, но уже отошедшего в прошлое периода русской литературы от другого, современного критику и связанного с новым, революционно-демократическим этапом в русском освободительном движении.

* В. Г. Белинский, Собр. соч., 1948, т. 2, стр. 116—117.

** Там же, стр. 373.

Белинский первый поставил изучение творчества Пушкина на почву русской истории, указав на первостепенную важность для развития пушкинского гения «народного возбуждения», вызванного Отечественной войной 1812 года. Эпоха горячего патриотизма и осознания всемирно-исторического подвига русского народа — вот та живительная историческая атмосфера, где берет начало гений Пушкина.

Явление чрезвычайное и ни с чем не сравнимое, способное, по словам Белинского, наполнить собою целый период любой европейской литературы, Пушкин коренным образом изменил отношение русской литературы к русской жизни, к русской действительности, к народу, а вместе с этим изменил и соотношение культуры России и Запада. «Это уже не знакомство России с Европою, но Европы с Россиею».

В последних статьях Белинский наметил заключительные «границы» пушкинского периода русской литературы, вскрыв историческую обусловленность идейно-политических убеждений поэта, сказавшихся на его творчестве.

Без такого разграничения не могло быть правильно объяснено ни значение Пушкина, ни направление развития литературы после Пушкина, и тем более не могло быть плодотворного влияния передовой критики на писателей современности, на передовые круги общества.

Не случайно в последний период деятельности Белинский особенно подчеркивает роль мировоззрения для художника вообще. Он выступает против разделения поэзии на «объективную» и «субъективную».

«Чисто объективного поэтического представления жизни,— пишет он,— такого, где бы поэт не подавал собственного голоса в делах людей, где бы умирали *его* мнения, где бы уничтожались *его* ощущения — не было, нет и не будет!»*

«Создание поэтического вымысла отражает в себе и поэта, ибо существует тесная, необходимая связь между тем, что произвел он в минуту вдохновения, и тем, что он был сам всегда и везде»**.

Вскрывая исторически обусловленную классовость позиции Пушкина, устанавливая принципиальное отличие идеологии, связанной с периодом дворянской революционности, от революционно-демократического мировоззрения, Белинский не умалял народности пушкинского творчества и антикрепостнической направленности его поэзии.

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 46.

** Там же, стр. 47.

Историческая важность статей Белинского о Пушкине заключается не только в оценках отдельных произведений поэта, которые и по сие время поражают глубиной и многосторонностью, а в острой и широко развернутой постановке и разрешении, с точки зрения революционной демократии, вопросов первостепенного методологического значения.

Для Белинского вопрос о мировоззрении Пушкина — боевая проблема современного ему литературного движения, оружие в борьбе с дворянской идеологией и одно из средств воспитания в писателе «здорового, практического чувства истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни»*.

«Наше время преклонит колени только перед художником, которого жизнь есть лучший комментарий на его творения, а творение — лучшее оправдание его жизни»**, — так ставил вопрос революционный демократ Белинский.

Первостепенное значение этой стороны его критической деятельности хорошо понимал Чернышевский. «Отсутствием связи между жизненными убеждениями автора и его произведениями, — писал он, — страдала вся наша литература до того времени, когда влияние Гоголя и Белинского преобразовало ее»***. Белинский выступил и самым объективным ценителем прошлого, и самым страстным борником новой исторической полосы в развитии русской освободительной мысли и литературы.

Поэзия Пушкина дала Белинскому образцы и критерии реалистической, подлинно народной, подлинно патриотической литературы. Белинский превратил богатство пушкинского творчества в достояние передовой части русского общества, «уронил во мнение публики ложь, — как говорил Н. Г. Чернышевский, — и утвердил истину».

Многочисленные высказывания Белинского о Пушкине, его прекращавшаяся пропаганда творчества «первого русского национального поэта», его обзоры и анализ пушкинских произведений явились своеобразной школой воспитания русского читателя, средством формирования его художественного вкуса и передовых, демократических убеждений. И если творчество Пушкина уже тогда было правильно понято и прочно вошло в сознание передовых кругов русского общества, а затем и в сознание народа, то этим фактом оно обязано не только гению творца, но и гению критика.

* В. Г. Белинский, Собр. соч., 1948, т. 2, стр. 363.

** Там же, т. 3, стр. 412.

*** Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., М. 1947, т. III, стр. 201.

После смерти Пушкина царское самодержавие и его слуги прилагали все усилия, чтобы исказить облик великого поэта в монархическом духе. Ими была пущена в ход гнусная легенда о политическом «поправлении» Пушкина в 30-е годы. В этой фальсификации немалую роль сыграли и «друзья» Пушкина, в руках которых оказалось творческое наследие поэта. В. А. Жуковский в письме к отцу поэта сочинил версию о предсмертных словах Пушкина, заявившего якобы о своей преданности царю и т. п. Жуковский «исправил» также многие из напечатанных произведений Пушкина, удалив из них все, что было направлено против самодержавия и крепостничества. Первый биограф поэта, П. В. Анненков, в холопском усердии расписывал мнимые благодеяния царского правительства, «заботливость», «снисходительность и попечительность» «начальства» в отношении Пушкина. Говоря, например, о вызове Николаем I Пушкина из михайловской ссылки, Анненков заявлял, что «впоследствии, во всех случаях жизни своей, Пушкин вспоминал о наставлениях, преподанных ему в это время отеческою снисходительностью». Подобная клевета, искажавшая образ поэта, не могла быть печатно опровергнута в России того времени из-за цензурных условий. Тем большее значение приобретали вышедшие за границу в 50-х и 60-х годах работы А. И. Герцена и Н. П. Огарева о русском общественном и литературном движении, в которых значительное место было уделено Пушкину. Герцен и Огарев рассматривали литературу в тесной связи с историческими условиями эпохи, с жизнью народа и революционной борьбой против эксплуататоров. Всячески популяризируя вольнолюбивые произведения Пушкина, оба критика подчеркивали его связь с революционным движением. Герцен считал «совершенно естественным» то обстоятельство, что именно в декабристский «период подъема и мечтаний явился великий русский поэт Пушкин»*.

В противоположность «верноподданническим» писаниям официальных биографов Пушкина, Герцен заявлял, что Пушкин (так же как и другие выдающиеся русские поэты и писатели) стал жертвой самодержавного строя. Герцен и Огарев имели возможность говорить о Пушкине полным голосом. Их нелегально распространявшиеся работы имели огромное значение для опровержения монархической клеветы на Пушкина.

Оценка пушкинского наследия в 50—60-е годы — на втором этапе освободительного движения в России — в сильнейшей степени

* А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, 1917, т. VII, стр. 231.

осложнялась ожесточенной борьбой между революционными демократами и либеральными дворянскими критиками. Борьба в критике и эстетике явилась отражением той напряженной классовой борьбы, которая велась в эти годы вокруг вопроса о крепостном праве. «Либералы так же, как и крепостники,— говорит В. И. Ленин,— стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»*. Объединенному дворянскому лагерю противостоял лагерь революционной демократии во главе с Чернышевским, который «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя—через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»**. Борясь против революционно-демократической эстетики, продолжавшей и развивавшей традиции Белинского, дворянские идеологи выдвинули теорию «искусства для искусства». Для подкрепления этой реакционной идеалистической теории они пытались использовать некоторые произведения Пушкина 30-х годов, превратив их истолковывая. Начало такому истолкованию положил еще Гоголь, после того как он обратился в сторону реакции. В 1846 году Гоголь напечатал «Выбранные места из переписки с друзьями». По поводу этой книги Белинский написал знаменитое обличительное письмо, «в котором великий критик со всей присущей ему страстностью бичевал Гоголя за его попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя»***. В своей книге, восхвалявшей крепостнический строй, Гоголь высказался и о Пушкине. В отличие от своей ранней статьи, Гоголь нарисовал здесь искаженный образ Пушкина, представив его таким поэтом, которому якобы «ни до кого не было дела». Теперь он облыжно утверждал, что Пушкин не делал из своей поэзии «никакого применения к жизни в потребность человеку», что он «дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше».

Свое дальнейшее развитие теория «чистого искусства» получила в работах А. В. Дружинина, П. В. Анненкова, С. С. Дудышкина и позднее—Ап. Григорьева. Все эти критики стремились сделать из пушкинского творчества своеобраз-

ное «противоядие» против обличительно-сатирического направления в русской литературе. С этой целью либерал Анненков писал, например, о Пушкине, что «созерцание природы и наслаждение искусством признавал он единственной целью своей жизни». Чтобы как-то обосновать это положение, Анненкову приходилось пускаться на прямые подлоги, что он и сделал, например, со стихотворением «Из Пиндемонти», выбросив оттуда ряд строк таким образом, что оно приобретало прямо противоположный смысл. Одновременно с этим Дружинин в своих статьях создавал фальшивый образ «незлобного», «любящего» Пушкина, который, по словам этого критика, «более чем кто-либо из поэтов умел примирять противоположности и становиться выше всех скоропреходящих вопросов об искусстве». Дружинин утверждал, что произведения Пушкина совершенно лишены политической тенденциозности: «Ни заданной мысли, ни стремления провести какую-нибудь отвлеченную теорию не встретите вы в его произведениях». Цели, которые ставили перед собой дворянские эстеты, рассуждая подобным образом, ясно видны из высказывания малоизвестного критика того времени Б. Алмазова. Этот критик прямо заявил (в литературном сборнике «Утро», 1859 г.), что Пушкин—«выше всех поэтов, когда-либо существовавших на земле, потому именно, что его поэзия не имеет определенного направления и не служит никаким идеям». Целью дворянской критики этого времени как раз и являлась пропаганда *безидейности*.

Всем этим эстетским положениям революционно-демократическая критика в лице Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и их последователей противопоставляла требование боевого, целеустремленного искусства, служащего интересам народных масс, разоблачающего крепостническую действительность царской России. В условиях 50-х и 60-х годов особую актуальность приобретали произведения тех писателей, которые продолжали традиции гоголевского реализма. Поэтому именно их и выдвигали в первую очередь революционные демократы. Вместе с тем они чрезвычайно высоко оценивали роль и значение Пушкина, несмотря на то, что им оставались неизвестными и наиболее социально заостренные места из его произведений и многие факты его биографии, которые указывали на теснейшую связь поэта с революционным движением его времени. С исключительным мастерством использовал данные, приведенные в «Материалах к биографии А. С. Пушкина» Анненкова, Чернышевский в статьях по поводу анненковского издания сочинений Пушкина дал сокрушительный отпор сторонникам «чистого искусства» (имея в виду прежде всего Дружинина, написавшего рецензию на это же издание).

* В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 17, стр. 96.

** Там же, стр. 97.

*** А. А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 23.

Некоторые полемические высказывания Чернышевского и Добролюбова отчасти затрагивали и самого Пушкина. Это отчасти объясняется неполнотой тех сведений о политических воззрениях поэта, которыми они располагали. Не зная большого количества документальных материалов, характеризующих прогрессивность общественных позиций Пушкина (эти материалы лишь позднее стали достоянием науки), они были вынуждены довольствоваться официальными данными, искажавшими образ великого поэта. Добролюбов, например, искренне недоумевал, читая о том, что Пушкин перед смертью примирился с самодержавием. Зная ряд вольнолюбивых произведений Пушкина, ходивших в списках, и сопоставляя это с тем, что писал Анненков о якобы монархических симпатиях Пушкина, критик изумлялся «странным колебаниям» поэта «между убеждениями самыми противоположными». Не зная, чем объяснить эти мнимые «колебания», революционные демократы полагали, что они «происходили от недостатка серьезного образования и от легкомысленности воззрений» Пушкина, искренно сожалели о «шаткости и смутности его убеждений, не давших ему глубже всмотреться в окружающую его действительность и отразить в своих поэтических созданиях еще более важные и существенные стороны жизни, нежели какие он изображал»*.

Однако отдельные ошибочные положения подобного рода не помешали революционным демократам 60-х годов показать в своих работах величайшее значение пушкинского творчества для просвещения народа и для развития новой русской литературы. Следует отметить, что как только Анненков опубликовал некоторые ранее не печатавшиеся произведения Пушкина — в седьмом, дополнительном томе собрания сочинений, — Добролюбов тотчас же подверг (в рецензии на этот том) уточнению некоторые из своих ранее высказанных положений о творчестве великого поэта. Вопреки всем ухищрениям сторонников «искусства для искусства», революционные демократы отстаивали пушкинское наследие и, вслед за Белинским, утверждали прогрессивную роль Пушкина.

То, что совершили Чернышевский и Добролюбов, оказалось не под силу Д. И. Писареву. Этот выдающийся представитель революционного просветительства и талантливый критик в своем отношении к Пушкину занимал ошибочные позиции. Приняв на веру инсинуации сторонников «чистого искусства», он поставил своей целью... «ниспровергнуть» Пушкина, что и попытался выполнить в известных своих статьях о «Евгении Онегине» и лирике Пушкина (1865).

Самый факт появления этих статей опять-таки не может быть выяснен без учета напряженной идейной борьбы, которая происходила тогда в русской критике. Эта борьба развернулась в связи с той интерпретацией творчества Пушкина, которая нашла свое наиболее яркое выражение у Ап. Григорьева, теоретика так называемого «почвенничества» — реакционного течения, близкого к славянофильству. Трактовка пушкинского творчества Ап. Григорьевым несколько отличалась от той, которую дали ранее Дружинин и Анненков. По словам Ап. Григорьева, Пушкин был «прежде всего художник», а художник — это «великая, наполовину сознательная, наполовину бессознательная сила жизни...» В произведениях Пушкина он стремился найти выражение некоей мистической «вечной» «народной сущности». Идеалом для этого критика являлся образ неприятия и ограниченного дворянина Белкина. По определению Писарева, «вся критика Аполлона Григорьева и его последователей была основана на превознесении той всеобъемлющей любви, которую будто бы проникнуты насквозь все произведения Пушкина».

И вот из того, что «имя Пушкина сделалось знаменем неисправимых романтиков и литературных филистеров», Писарев сделал парадоксальный вывод о необходимости отказаться от пушкинского наследия. Критик считал, что это необходимо во имя борьбы с реакцией. Обе его «антипушкинские» статьи овеяны духом этой борьбы. «Так как борьба литературных партий, — писал он, — сделалась теперь упорною и непримиримою, так как духом партии обуславливаются теперь взгляды пишущих людей на прежних писателей даже в тех органах нашей печати, которые сами вопиют против духа партии, то и реалисты (так Писарев называл себя и своих сторонников. — Г. Ч.), сражаясь за свои идеи, поставлены в необходимость посмотреть повнимательней, с своей точки зрения, на те старые литературные кумиры и на те почтенные имена, за которые прячутся наши очень свирепые, но очень трусливые гонители». Для Писарева было важно поразить именно этих «гонителей» из лагеря «чистого искусства», «прятавшихся» за Пушкина. Но он совершил несомненную ошибку, фактически отдав им Пушкина, вместо того чтобы бороться за него. Это произошло потому, что Писарев, в отличие от Чернышевского и Добролюбова, оказался в плену метафизического понимания истории. Он не учитывал конкретных условий эпохи и судил Пушкина и его героев так, как будто бы они были его, Писарева, современниками. Потому-то он так легко поддавался на обман фальсификаторов и поставил знак равенства между «чернью», фигурирующей в стихотворении Пушкина «Поэт и толпа»,

* Н. А. Добролюбов, Соч., т. II, стр. 422, 1935.

я... народом! А отсюда уже следовало чудовищное заключение о том, что Пушкин будто бы внушал своими произведениями «беспредельное равнодушие к народным страданиям» и «отвращение к полезному труду».

Не уяснив себе в широком историческом плане громадной освободительной роли пушкинского творчества (которую, как уже указывалось, ясно сознавал Белинский), Писарев увидел в «Евгении Онегине» «апофеозу statu quo» (восхваление существующего порядка вещей) лишь потому, что в этом произведении отсутствует *такое* обличение крепостного права, которое стало возможным только в 60-е годы. Писаревский разбор «Евгения Онегина» тотчас же обнаруживает свою несостоятельность, как только выясняется, что Писарев приравнивает Пушкина к Онегину, автора — к герою произведения. Справедливо критикуя Онегина за его бездельность и никчемность, Писарев механически переносит эту критику на самого Пушкина. Внешняя убедительность писаревских доказательств оказывается построенной на песке.

Ратуя за традиции Белинского, Писарев, однако, логикой вещей обратил свою критику не только против Пушкина, но и против Белинского. Блестящие по форме, мастерски написанные статьи Писарева о Пушкине неправильно ориентировали читателей в течение многих лет и были окончательно сняты только марксистской критикой.

4

В различные эпохи творчество Пушкина воспринималось по-разному. Для передовых людей шестидесятых годов оно не являлось столь актуальным, как произведения Гоголя и писателей «натуральной школы». К тому же царские чиновники от просвещения делали все для того, чтобы навести на великого поэта «хрестоматийный глянец» (по выражению В. В. Маяковского). «Мы развивались не на нем,— писал Н. В. Шелгунов,— для нас Пушкин стоял уже в гимназической программе... Для людей же сороковых годов он был живым, новым человеком. Нам читать его приказывали; им — запрещали» («По поводу одной книги»).

Монархические и эстетские фальсификации творчества Пушкина, с одной стороны, писаревское «ниспровержение» его — с другой, долго мешали правильному пониманию роли и значения великого поэта. Но никакие превратные истолкования пушкинского творчества не могли ослабить его непосредственного влияния на развитие русской реалистической литературы XIX века. Этим могучим и плодо-

творным влиянием лучше всего подтверждается правильность оценки, данной Пушкину Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым.

К сокровищнице пушкинского творчества обращались все крупнейшие русские писатели, начиная с Гоголя в лучший период его деятельности. Некоторые из них, как, например, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, засвидетельствовали свое обращение к Пушкину в более развернутых статьях и речах, другие, как Лев Толстой, — в кратких, но не менее выразительных высказываниях. Во всех тех случаях, когда великие художники в своей оценке Пушкина исходят из *реалистического* восприятия действительности, их отзывы о Пушкине характеризуются исключительной глубиной, сохраняя свою актуальность и по сей день. Но там, где на их построениях сказываются классовые предрассудки, там облик великого поэта искажается. Причудливое сочетание того и другого можно видеть у Тургенева. Полное господство реакционной тенденциозности имеет место у позднего Гоголя и особенно у Достоевского.

Революционный подъем 60-х годов сменился полосой реакции. Критика 80-х годов не смогла сколько-нибудь существенно продвинуть вперед освоение пушкинского наследия. Писания представителей либерального народничества (Скабичевский и др.) ничего не проясняли. Это были, в основном, эклектические работы, прилагавшие творчество и биографию Пушкина для придания им «благонамеренного» характера. Однако и в этот период продолжалась борьба за пушкинское наследие. Различные политические течения пытались опереться на еще более возросшую к тому времени славу великого поэта. С особенной яркостью это выявилось во время торжеств 1880 года по поводу открытия памятника Пушкину в Москве. Значительной в этом смысле была речь Ф. М. Достоевского, в которой отразилось усиление воинствующей реакции в России в 80-е годы. Положения речи Достоевского показательны во многих отношениях. В них обнаруживается, в частности, та органическая связь, которая существует между национализмом и космополитизмом. Считая, что русский народ является «избранным» народом по сравнению со всеми остальными, Достоевский видел выражение этой избранности в том, что он будто бы стремится растворить себя во «всемирности». «Стать настоящим русским» — это значит, по Достоевскому, «стать *всечеловеком*»; именно к этому направлена «сила духа русской народности». Потому-то и Пушкин, как народный поэт, становится, по его утверждению, «участником» стремления к «всечеловечности», выразителем его в литературе.

По мнению Достоевского, характернейшей чертой русского народа, дающей ему право на избранность, является якобы присущее ему «смирение». Исходя из этого тезиса, Достоевский проповедовал отказ от революционной борьбы. Он заявил, что свобода человека может быть достигнута его победой... над самим собой («Победишь себя — станешь свободен»). Клевета на свободолюбивый русский народ, Достоевский клеветал и на Пушкина. Он обратился к произведениям великого поэта — к «Цыганам» и «Евгению Онегину» — только для того, чтобы, препарировав их соответствующим образом, подкрепить ими свой ханжеский призыв: «Смирись, гордый человек...» и т. п. Проповедуя добровольное порабощение, Достоевский вступает в открытую полемику с Белинским по поводу трактовки образа Татьяны. По существу речь Достоевского являлась пропагандой «смирения» перед самодержавием.

Что касается изображения Пушкина пророком «всечеловечности», то оно имеет свою историю. Истоки такого изображения можно видеть в уже упоминавшихся выше «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. В этой реакционной книге утверждалось, между прочим, что Пушкин якобы с *равным* интересом относился к культурам различных народов, стран и эпох (в том числе и к отечественной!) — «всякий предмет равно звал» его: «в Испании он испанец, с греком — грек» и т. п. У Достоевского этот взгляд получил свое полное и законченное выражение. Достоевский указывал, что дело, собственно, не в самой «всемирной отзывчивости» Пушкина, «а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном...» и т. д. В этом, по Достоевскому, «выразилась именно народность его <Пушкина> поэзии». Таким образом, если для революционных демократов и для всей прогрессивной критики народность Пушкина выражалась в его свободолюбивых идеалах и в правдивом, реалистическом изображении *русской* действительности, то для Достоевского народность Пушкина заключалась в способности «перевоплощаться вполне в чужую национальность».

Речь Достоевского, сочетавшая крайнюю реакционность с демагогией, имела большой успех среди буржуазно-дворянской интеллигенции, а особенно у отступников и ренегатов революции.

В речи о Пушкине И. С. Тургенева, с положениями которой скрыто полемизировал Достоевский, отразилась иная политическая струя — струя умеренного дворянского «либерализма». Внешне апеллируя к Белинскому, писатель частично использовал свою речь о Пушкине для пропаганды идей либерального «западничества»

(в полном своем виде сформулированных устами одного из героев романа «Дым» — Потугина). Речь Тургенева отличалась нарочитым стремлением к «беспристрастию», а потому — половинчатостью и уклончивостью формулировок (например: «Название национально-всемирного поэта... мы не решаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаем его отнять у него»). Тургенев старался сглаживать «острые углы» и не называть вещи своими именами. Гибель Пушкина он рисует, как «трагическую случайность», а свое негодование по этому поводу называет «беспредметным». Показательно, что, употребив эпитет «свободный», Тургенев тотчас же поспешил оговориться: «Пусть это последнее слово не удивит вас... В поэзии — освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила...» Наряду со всем этим в речи Тургенева содержатся верные высказывания о Пушкине, сохраняющие свое значение и до настоящего времени.

Значительный интерес представляет оценка речи Достоевского и общего характера юбилейных пушкинских торжеств, данная Гл. И. Успенским в репортаже о них, напечатанном в «Отечественных записках», 1880, № 6 («Пушкинский праздник. Письмо из Москвы»). Здесь явственно ощущается отрицательное отношение к казенному тону пушкинского праздника и к тем цветистым, но пустым речам, которыми изобиловал этот праздник. Успенский, требовавший от ораторов мыслей и обобщений, вначале поддавался демагогии Достоевского и назвал его выступление «словом живым и достойным величайшего интереса». Однако, прочитав потом печатный текст речи Достоевского, Успенский пришел к выводу, что «в ней есть нечто такое, что превращает ее в загадку, которую нет охоты разгадывать и которая сводит весь смысл речи почти на нуль». «Нечто», о котором Успенский говорит в *post scriptum* к своему письму, — это реакционная сущность речи Достоевского, превращающая ее, по словам критика, в «проповедь полнейшей мертвечины», «тупого, подневольного, грубого жертвоприношения».

Что касается речи Тургенева, то Успенский положительно высказался о ней, несмотря на выпады Тургенева против шестидесятников.

К концу XIX века буржуазно-дворянская критика окончательно зашла в тупик. Представители «академической» цензовой науки направили все свои усилия на то, чтобы придать еще большую «благонамеренность» облику великого поэта. Удобным поводом для этого

послужил столетний юбилей со дня рождения Пушкина в 1899 году. В 900-е годы Пушкин уже в полной мере числился в «официальных» поэтах. В. В. Маяковский вспоминал, что перед лекцией, которую он собирался прочесть, будучи в Николаеве, к нему подошел полицейский «чин» и заявил: «Имейте в виду, я не позволю вам говорить неодобрительно о деятельности начальства, ну, там Пушкина и вообще».

Научные изыскания о Пушкине в 90-е и 900-е годы затрагивали преимущественно различные частные вопросы, связанные с историей создания отдельных произведений, с пушкинским окружением и т. п., носили фактографический и крохоборческий характер. Критики этой поры избегали каких бы то ни было обобщений.

Из кризиса, к которому привела пушкиноведение буржуазно-дворянская наука и критика, его смогла вывести только марксистская критическая мысль, которая появилась в России на третьем, пролетарском этапе освободительного движения.

«Марксистская литературная критика, — говорил А. А. Жданов, — являющаяся продолжательницей великих традиций Белинского, Чернышевского, Добролюбова, всегда была поборницей реалистического, общественно направленного искусства. Плеханов много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу»*.

Начало марксистского освещения творчества Пушкина было положено Г. В. Плехановым в статье, посвященной эстетическим взглядам Белинского. И это далеко не случайно, потому что в интерпретации пушкинского творчества на Белинского, фальсифицируя его позиции, пытались опираться как дворянские эстеты, так и Писарев. Разоблачая реакционную роль представителей теории «искусства для искусства» в эпоху 60-х годов, Плеханов подверг анализу и неправильные взгляды Писарева. Критик-марксист дал развернутое доказательство тому, что Пушкин, говоря о «черни», имел в виду отнюдь не народ, а придворную, аристократическую чернь. Плеханов подробно разобрал все обвинения, выдвинутые Писаревым против Пушкина в связи со стихотворением «Поэт и толпа», и показал их полную несостоятельность. Критик не ограничивался только опровержением, но и обосновал историческую закономерность появления взглядов и оценок, подобных писаревским.

* А. А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 24—25.

Однако, говоря о великом поэте, Плеханов и сам допускал существенные ошибки. Крупнейшей из них является попытка Плеханова представить Пушкина периода 30-х годов сторонником «чистого искусства». Плеханов выводит это положение из одной своей порочной «теории», согласно которой принцип «искусства для искусства» является правомерным в те исторические эпохи, когда якобы сама действительность вынуждает художника следовать этому принципу.

Одним из зачинателей нового пушкиноведения на пролетарском этапе освободительного движения в России явился родоначальник социалистического реализма А. М. Горький, сам испытавший на себе благотворное влияние пушкинских произведений.

Вопрос о значении для революционного пролетариата творчества Пушкина, как и других великих писателей, явился основным и направляющим для А. М. Горького. Несмотря на некоторые свои ошибки (связанные с влиянием «богдановских» теорий), Горький в своих капризных лекциях сумел правильно поставить и разрешить ряд важнейших вопросов, касающихся наследия великого поэта. Это, прежде всего, — вопрос о народности Пушкина, которую Горький ставил в зависимость от революционной идейности пушкинского творчества, от его величайшей роли в освободительном движении его эпохи. Горький рассматривал Пушкина в первый период его деятельности как поэта декабризма, широко и обстоятельно показав исторические условия, в которых протекала эта деятельность. Горький коснулся и вопроса о «черни», разрешив его так же, как Плеханов. Далее Горький подошел к проблеме классовой обусловленности творчества Пушкина, правильно показав преодоление великим художником дворянских предрассудков в процессе овладения реалистическим методом — методом правдивого отображения социальной действительности.

Критики-марксисты и революционные писатели повели борьбу против разлагающего влияния Достоевщины, против реакционных и ренегатских «теорий». Горький и позднее противопоставлял благотворное воздействие пушкинских произведений тлетворному влиянию Достоевского: «Я предпочел бы, — писал он в 1930 году, имея в виду Западную Европу, — чтоб «культурный мир» объединялся не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина — талант психически здоровый и оздоравливающий» («О литературе»).

Литераторы-марксисты выступали против декадентской критики, извращавшей пушкинское наследие в целях оправдания различного рода реакционных «теорий». Минский, Мережковский и другие

воинствующие идеалисты пытались находить «созвучные» себе мотивы в творчестве Пушкина и потому приписывали ему воспевание «темного», «загадочного», иррационального, объявляли его провозвестником «духовного аристократизма». Борясь с откровенно реакционными «теориями», Горький одновременно выступал и против наскоков различных ультра-«левых» критиков на классическое наследство, в частности на Пушкина. «Тем, кто кричит, что Пушкин устарел,— не верьте...» — предупреждал он, например, одного из своих корреспондентов в 1913 году.

6

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в изучении пушкинского наследия. Только после революции стало возможным опубликование полностью всех произведений Пушкина и документов, связанных с его жизнью и творчеством. Впервые из архивов были извлечены и стали достоянием исследователей секретные дела о Пушкине, раскрывшие величайшую революционную роль его произведений, позволившие уяснить «загадочные» моменты его биографии. На основании изучения документов были названы скрытые убийцы великого поэта, разоблачена травля, которой он подвергался в последние годы со стороны правящей верхушки во главе с Николаем I. Были полностью разрушены официальные легенды о «примирившемся» Пушкине. Началась широкая разработка проблем пушкинского творчества в свете марксистско-ленинской теории.

Однако в первые годы после Октября еще давали о себе знать пережитки старых, реакционных взглядов на творчество Пушкина. Они в значительной степени сказались, например, на работах В. Я. Брюсова.

В отличие от представителей цеховой «академической» науки, Брюсов правильно определял общий характер идейного развития Пушкина, указывая, что поэт до конца дней оставался непримиримым врагом царизма и крепостничества. В исследованиях В. Я. Брюсова о пушкинском стихе содержится ряд отдельных ценных наблюдений. Однако в целом эти его исследования построены на субъективистской и формалистской основе. В статье «Пушкин-мастер» (1923) чувствуются отзвуки реакционной теории «перевоплощения»: по мнению Брюсова, чтобы «стать великим поэтом, Пушкин поочередно становился поэтом разных стран и разных веков...» Брюсов утверждал, что Пушкина интересовало главным образом разрешение чисто формальных задач: «Встречаясь с

тем или другим литературным памятником, Пушкин задавал себе вопрос: «А можно ли то же самое сделать по-русски?» По этой «теории», «побудительной причиной», например, для создания «Песни о вещем Олеге» было... «искание на русском языке форм шиллеровской баллады».

Подобные формалистские изыски подверглись серьезной критике в работах о Пушкине А. В. Луначарского. Луначарский стремился осмыслить пушкинское творчество в свете тех экономических и социальных процессов, которые происходили в России в первой трети XIX века. Творчество великого поэта он рассматривал в связи с начинавшимся упадком дворянского класса, с той, как он писал, «великой драмой», «близко к началу которой стоит Пушкин, близко к концу — Толстой». Однако Луначарский зачастую упрощал вопрос, идя прямо от экономических причин, недооценивая политические факторы, не принимая во внимание всей сложности их взаимодействия. Отсюда — ряд ошибок вульгарно-социологического характера и общий схематизм его концепции пушкинского творчества (Пушкин, например, трактовался им как идеолог «стародворянской части среднепоместной прослойки»). Луначарский сам создавал предвзятый характер своих исследований, указывая, что он находится «еще на первых ступенях работы». Однако, несмотря на все недочеты и ошибки, работы Луначарского явились важным вкладом в советскую науку о Пушкине. Луначарский высказал ряд метких и ценных соображений о значении пушкинского наследия для строительства советской, социалистической культуры.

Работы о Пушкине Горького и Луначарского, подчеркивавшие подлинно-патриотическую сущность творчества великого поэта, сыграли значительную роль в развитии советского пушкиноведения.

«Пушкина знают и любят во всех уголках советской земли,— говорится в передовой статье газеты «Правда», посвященной 150-летию со дня рождения великого поэта,— Пушкина высоко ценит все передовое человечество. Имя Пушкина великий вожь трудящихся товарищ Сталин назвал в ряду имен самых выдающихся сынов великой русской нации — имен, составляющих славу нашего народа, его патриотическую гордость». Пушкин явился родоначальником русской художественной литературы, основоположником того реалистического направления в ней, которое «составляет ее самую сильную и самую близкую народу черту». Но Пушкин,— говорится далее в статье,— «дорог нам, советским людям, не только как великий художник. Он дорог нам прежде всего своими прогрессивными

идеями, своим вольнолюбием, своим гуманизмом. Несмотря на то, что его идеи не поднимались выше идей «просвещенного дворянства», Пушкин принадлежал к самым прогрессивным кругам своего общества — к тем кругам, которые дали России декабристов» *.

Передовая русская критика, начиная с Белинского, много сделала для популяризации и раскрытия пушкинского творчества. Но, как правильно указал А. А. Фадеев, «...только Великая Октябрьская социалистическая революция в России и более чем тридцатилетняя работа по коммунистическому воспитанию и просвещению народа, проводимая в нашей стране под руководством великой партии большевиков, превратили наследие Пушкина в подлинно народное достояние и раскрыли истинное значение его гения для народа» **.

В наши дни тиражи произведений Пушкина составили в общей сложности более 50 миллионов экземпляров на 76 языках. Исполнилось пророчество поэта:

...Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

В Советской стране изучение жизни и творчества Пушкина стало общенародным делом. Любовь советских людей к великому поэту нашла свое яркое выражение в пушкинских юбилеях 1937 и 1949 годов, прошедших как всенародные праздники. Благодаря постоянным заботам партии и правительства, советским пушкинистам предоставлены все условия для плодотворной работы. Советские ученые достигли значительных успехов в изучении пушкинского наследия. К настоящему времени собраны, прочитаны и отредактированы все сохранившиеся тексты Пушкина. Создан ряд ценных работ о Пушкине — от монографий до массовых брошюр. Итоги изучения наследия Пушкина в Советском Союзе получили свое отражение в докладе К. М. Симонова на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 года.

В своей работе советские пушкинисты руководствуются единственно научной, марксистско-ленинской теорией, преодолевая пережитки чуждых теорий и взглядов, используя при этом и все достижения предшествующей русской критики о Пушкине.

В. Дорофеев.

Г. Черемин.

* «Правда», 6/VI — 1949 г.

** Речь А. А. Фадеева на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР. «Литературная газета», 8/VI — 1949 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья <i>В. Дорофеева</i> и <i>Г. Чермина</i> . . .	3
--	---

Н. В. ГОГОЛЬ

Несколько слов о Пушкине	41
------------------------------------	----

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) литературы (отрывок из статьи)	47
Литературная хроника	50
Русская литература в 1840 году (отрывок из статьи) . .	59
Сочинения Александра Пушкина (рецензия)	63
Русская литература в 1841 году (отрывок из статьи) . .	76
Сочинения Александра Пушкина	82
Статья первая (отрывок)	82
Статья четвертая	91
Статья пятая	128
Статья шестая	190
Статья седьмая	220
Статья восьмая	270
Статья девятая	316
Статья десятая	349
Статья одиннадцатая	384
Взгляд на русскую литературу 1847 года (отрывок из статьи)	431

А. И. ГЕРЦЕН

О развитии революционных идей в России (отрывки) . . 435

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Сочинения Пушкина — статья вторая 445

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

О степени участия народности в развитии русской ли-
тературы (отрывок) 476

Сочинения Пушкина 480

Н. П. ОГАРЕВ

Из предисловия к «Русской потаенной литературе XIX в.» 496

И. А. ГОНЧАРОВ

«Мильон терзаний!» (отрывки) 504

Лучше поздно, чем никогда (отрывок). 505

И. С. ТУРГЕНЕВ

〈Пушкин〉 508

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Застольное слово о Пушкине 519

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Литературные взгляды Белинского (отрывок) 523

М. ГОРЬКИЙ

История русской литературы (отрывки) 538

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Александр Сергеевич Пушкин (отрывок)	560
Александр Сергеевич Пушкин (отрывок)	566

К. М. СИМОНОВ

Александр Сергеевич Пушкин	573
Примечания	607

Лм 31139

